

ству в достижении» его «цели», как считал в то время другой руководитель Тульчинской управы И. Г. Бурцев, а именно «сделаться достойным... к разумению», то есть к пониманию действительного освобождения, которое вовсе не достигается реализацией правительственной программы. В ином контексте эта фраза просто непонятна: не настолько наивны были собеседники Пестеля, чтобы не понимать «благодетельности» конституционной монархии в сравнении с самодержавием.

Пропагандистская деятельность Пестеля дает возможность объяснить содержание его программы 1820 г. Она несомненно предназначалась для будущей деятельности тайного общества, тогда уже политической партии, в созданном правительством законсовещательном органе²³. Однако та же программа могла быть использована и для легальной работы в административных и судебных органах, и для революционной борьбы с правительством в случае его отказа от реформ. Это объясняет уже отмеченную конспиративность «нового общества» и, в особенности, предоставление «выбора средств» его «начальникам», которые, очевидно, должны были действовать по обстановке.

Изменение политической ситуации в 1821 г. привело к превращению эмбрионального общества Пестеля — Муравьева в Южное общество, которое вскоре приняло республиканскую программу и начало постепенно готовить военную революцию.

В. В. Пугачев

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДЕКАБРИСТОВ (ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА А. С. ПУШКИНА в 1818—1820 гг.)

Был ли А. С. Пушкин декабристом? Думается, что да. Если, конечно, не считать декабристами только членов тайного общества. Но в таком случае из числа декабристов пришлось бы исключить не только Пушкина, но и Рылеева до

---

²³ Отголоском каких-то бесед на эту тему представляется мне утверждение И. Д. Якушкина о том, что Пестель «своим сочинением... приготавлился... правильно действовать в Земской думе и знать, когда придется, что о чем говорить» (Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, с. 37).

1823 г. (дата приема), до 1824 — А. А. Бестужева, до конца ноября 1825 г. — В. К. Кюхельбекера.

Кого же считать декабристами? Ответить нелегко. И теперь, через 150 лет после восстания, остается неясным, кому вручать «партийный билет» декабриста (как принято было выражаться 50 лет назад, когда отмечался 100-летний юбилей восстания декабристов).

Может быть, считать декабристами только участников восстания? Но в таком случае не был декабристом даже Пестель: его арестовали раньше. На Сенатской площади не было ни Н. И. Тургенева, ни Никиты и Александра Муравьевых, ни М. Ф. Орлова, ни И. Д. Якушкина. А сомневаться в их декабризме не приходится.

Точно ответить невозможно. Попробуем дать приблизительное определение. Думается, что декабристами можно считать тех политических деятелей, которые сознательно и активно готовили «военную» революцию, призванную разрушить феодально-крепостнический строй, стремились принять в ней личное участие и так или иначе были связаны с тайным обществом (но не обязательно в него входили).

В таком случае и К. Рылеев и А. Бестужев и В. Кюхельбекер окажутся не случайными, а подлинными декабристами. Декабристом окажется и А. С. Пушкин. Только в отличие от Пестеля или С. Волконского его оружием было, прежде всего, слово. Пушкин был крупнейшим поэтом декабристов, творчество которого предельно точно отразило героический и трагический путь первых русских революционеров, его основные этапы, оттенки, кризисы, противоречия, пропагандировало не только декабристскую идеологию вообще, но и конкретные политические установки и лозунги тайного общества на различных этапах развития.

* * *

Пушкин стал первой жертвой политических репрессий 1820-х гг. Почему Пушкин, а не члены тайных обществ?

1851 г. в брошюре «О развитии революционных идей в России» А. И. Герцен писал: «Литература у народа, не имеющего политической свободы, единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести»¹. Так было и во времена декабристов. Власти

---

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти тт., т. VII, с. 198.

обрушились на поэтов. Дважды высылался Пушкин, в 1822 г. был выслан из Петербурга Катенин (к этому времени уже не член тайного общества), а членов тайного общества не трогали, хотя правительству было известно о его существовании.

Александр I узнал о декабристах не позже 1820 г. И. Д. Якушкин вспоминает: «У императора была в руках «Зеленая книга», и он, прочитавши ее, говорил своим приближенным, что в этом уставе Союза Благоденствия все было прекрасно, но что на это нисколько нельзя полагаться, что большая часть тайных обществ при начале своем имеет почти всегда только цель филантропическую, но что потом эта цель изменяется скоро и переходит в заговор против правительства. С этих пор император находился в каком-то особенном опасении тайных обществ в России. К нему беспрестанно привозили бумаги, захваченные у лиц, подозреваемых правительством». Правда, Якушкин замечает: «И странно, в этом случае не попался ни один из действительных членов общества»². А может быть, и не странно. Не исключено, что членов тайного общества умышленно «не беспокоили».

В мае 1821 г. командир гвардейского корпуса И. В. Васильчиков подал императору агентурное донесение, составленное членом Коренной управы Союза Благоденствия М. К. Грибовским и начальником штаба гвардейского корпуса будущим шефом жандармов А. Х. Бенкендорфом. В нем подробно и подчас довольно точно (хотя неполно, с пробелами и ошибками) излагалась история тайных обществ с 1814 до января 1821 г., перечислялись и характеризовались наиболее видные члены Союза Благоденствия. Сообщение было важным, но ему не дали ходу и с большим трудом нашли в кабинете Александра I после его смерти. Необычная судьба доноса вызвала недоумение николаевских сановников и споры мемуаристов и ученых. По одной из версий, Александр I, ознакомившись с донесением, сказал Васильчикову: «Не мне подобает карать» за то, чем сам увлекался в молодости³. Возможно, что эти слова и были сказаны. Но поверить в их искренность невозможно: Пушкин был выслан именно за такие «увлечения»... Трудно дать исчерпывающее объяснение поведения Александра I. Ограничусь лишь некоторыми соображениями.

Донесение Грибовского вряд ли было сенсацией для царя.

---

² Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, с. 51.

³ Шильдер Н. К. Император Александр Первый, т. IV, Спб. 1898, с. 204

Вероятно, многое он уже знал и потому сохранил самообладание и даже сказал, ознакомившись с ним, красивую фразу. Слежка за декабристами велась и раньше. Сам Грибовский, видимо, был не единственным агентом тайной полиции в Союзе Благоденствия. Новые документы, вводимые в научный оборот Б. Н. Равдиным и А. Б. Рогинским (прежде всего, дневник А. Д. Балашова) показывают, что осведомительная деятельность М. К. Грибовского не была ни скоротечной, ни случайной⁴. Возможно, что он вступал в Союз Благоденствия уже как агент тайной полиции⁵. Иначе трудно понять, почему крепостник⁶ стал членом общества с антикрепостнической программой⁷. Возможно, что Грибовский и ранее информировал власти о деятельности декабристов. Сведения давали и другие агенты⁸. К тому же царь был осторожен и расчетлив. Арест членов тайного общества, дворян, без достаточных оснований мог бы показаться «вторым изданием» павловского царствования и вызвать нежелательные осложнения во взаимоотношениях с дворянством. А между тем, предъявить серьезные обвинения членам тайного общества в 1821 г. было довольно трудно. Союз Благоденствия был распущен, его устав не был криминальным, поскольку тайные общества в России не были запрещены, а о планах царевубийства пока не было известно. Публикация сведений о Союзе Благоденствия могла вызвать оживление консервативной оппозиции, выступавшей против

---

⁴ Рогинский А. Б., Равдин Б. Н. «Вокруг «доноса Грибовского» (заметка печатается в 7-м выпуске межвузовского сборника «Освободительное движение в России», Саратов, 1977).

⁵ Высказывались и другие мнения. Например, что Грибовского завербовали в агенты тайной полиции после волнения Семеновского полка. Так полагал А. Н. Шебунин. Эту точку зрения разделяет М. В. Нечкина (см. её монографию: Движение декабристов, т. I, М., 1955, с. 348—349).

⁶ См. его книгу: О состоянии крестьян господских в России. Сочинение М. Грибовского. Доктора обоих прав. Харьков, 1816.

⁷ За это говорит и характер официального резюме в «Алфавите декабристов». «Грибовский. Статский советник, служивший в Инвалидном комитете, а потом вице-губернатором, принадлежал к числу членов Союза Благоденствия до времени уничтожения оногo. В возникших же с 1821 г. тайных обществах участия не принимал. Высочайше повелено оставить без внимания» (Восстание декабристов, т. VIII, с. 74). Составитель явно сознательно умолчал о доносе Грибовского, его осведомительской деятельности, что еще раз заставляет предположить, что речь идет о зашифровке давнишнего тайного агента.

⁸ О том, что Грибовский не был единственным источником сведений о декабристах, говорит и назначение его 15 июля 1823 г. симбирским вице-губернатором. Удаление из столицы единственного осведомителя выглядит странно.

всяких реформ. Это тоже не входило в планы царя. К тому же Александр I явно преувеличивал силы тайного общества. Якушкин вспоминает: «Он был уверен, что устрашающее его Тайное общество было чрезвычайно сильно, и сказал однажды князю П. М. Волконскому, желавшему его успокоить на этот счет: «Ты ничего не понимаешь, эти люди могут кого хотят возвысить или уронить в общем мнении; к тому же они имеют огромные средства; в прошлом году, во время неурожая в Смоленской губернии, они кормили целые уезды». И при этом назвал меня, Пассека, Фонвизина, Михаила Муравьева и Левашова. Все это передал мне Павел Колошин, приехавший из Петербурга по поручению Н. Тургенева»⁹. Мемуарные свидетельства Якушкина подтверждаются письмом И. Г. Бурцева П. Д. Киселеву от 23 января 1823 г.: «Ваше превосходительство объявили мне, что государь император изволит меня считать принадлежащим к какому-то тайному обществу, происка-ми коего в 1821 г. учреждена была подписка на вспоможение жителям Смоленской губернии»¹⁰. Характерно и другое место «Записок» Якушкина о том, что Ермолов в «22-м году... увидев приехавшего к нему М. Фонвизина, который был у него адъютантом, воскликнул: «Поди сюда, величайший карбонарий... он вас так боится, как я бы желал, чтобы он меня боялся»¹¹. По-видимому, Александру I представлялись неясными отношения тайного общества с Ермоловым и другими генералами. Имя Орлова могло вызвать ассоциацию с генеральским протестом против попытки создания Литовского корпуса, о котором рассказывает тот же Якушкин¹².

Разглашение сведений о тайном обществе могло невыгодно отразиться и на международном авторитете России. Во время греческого восстания и связанного с ним сложного переплетения русско-английских, русско-турецких отношений это было бы весьма некстати. Наконец, Союз Благоденствия представлялся Александру I не тем обществом, которое он тщетно искал. Ему мерещилась международная революционная организация. Гонимая за призраком, он просматривал реальность. Все это делало арест декабристов в 1821 г. явно неразумным.

Отмечу, что история с доносом Грибовского — только эпи-

---

⁹ Якушкин И. Д. Записки, с. 51.

¹⁰ Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время, т. IV, СПб., 1882, с. 28.

¹¹ Якушкин И. Д. Записки, с. 53.

¹² Там же.

зод в поведении Александра I. В 1822 г. стала очевидной попытка М. Ф. Орлова подготовить восстание 16-й пехотной дивизии, а вслед за ней и других войсковых частей. Это было посерьезнее Союза Благоденствия. Но и на этот раз Александр I проявил осторожность. Арестован был лишь майор В. Ф. Раевский. Орлова же отстранили от командования и отправили в бессрочный отпуск. Об аресте его не было и речи¹³.

Вместе с тем Александр I постепенно готовил сокрушение тайного общества. Прежде всего, обосновывалась криминальность тайных организаций. 6 августа 1822 г. был издан указ о запрещении тайных обществ. Отныне пребывание в любом из них могло квалифицироваться как преступление. Главное же, Александр I стремился перетянуть на свою сторону армию и превратить тайное общество в безобидную оппозицию. Первая цель в конце концов была достигнута. Если в 1820—1821 гг. у М. Ф. Орлова были серьезные основания полагать, что армия, в основном, будет на стороне восставших, то в 1825 г. она оказалась в большинстве своем на стороне правительства¹⁴. Что касается другого направления — трансформации тайного общества, то Александр I действовал в этой области весьма энергично, хотя и безуспешно. Он пытался, прежде всего через М. М. Сперанского, перетянуть на свою сторону лидеров тайного общества. Сперанского, учитывая его либеральную репутацию, хотели сделать рупором оппозиции, включающей и часть тайного общества.

Из дневника М. М. Сперанского, сохранившего интересные подробности его бесед с Александром I, мы узнаем, что царь поручил ему занять Н. И. Тургенева «делом», чтобы он бросил писать проекты. На Н. И. Тургенева пытались воздействовать и через А. А. Аракчеева. В дневниковой записи Тургенева от 11 августа 1823 г. говорится: «Четвертого дня... я получил повестку явиться к графу Аракчееву. Был у него третьего дня. Он принял меня отменно ласково, говорил, что консульской вакансии, как говорил Г., нет, что я *полезен* в Совете, что [осударь] знает мой *ум*, что я русской, что надобно служить

---

¹³ Подробнее см.: Гершензон М. История молодой России. М., 1923. Ср. мою статью: Декабрист М. Ф. Орлов и Московский съезд Союза Благоденствия — «Учен зап. Саратов ун-та», т. LXVI, Саратов, 1958, с. 82—115.

¹⁴ См.: Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 г. Л., 1926. По-видимому, Александр I возлагал большие надежды на окончательное устройство военных поселений, по его мысли, не зависящих ни от дворянства, ни от народа.

в России. Коснулось и до мнений. И тут гр[аф] Ар[акчеев] сказал: «Мало ли что кто прежде думал, и самому иногда смешно, как вспомнишь о том, что думал прежде». Я сказал, что и я прежде и писал, и говорил, но что в последний раз м[инистр] ф[инансов] на меня говорил неосновательно. Между прочим, гр[аф] Ар[акчеев] (я подчеркиваю слова его, ибо сам бы не мог их о себе сказать) сказал мне: «Г[осударь] знает Ваши нужды. Пенсия, к которой Вы представлены, будет; сверх того, Г[осударь] велел спросить, чего Вы еще желаете; он согласен сделать *пожертвование*». Я отвечал, что мне ничего не нужно; что я и того не смел надеяться. (Мне надобно было сказать то, что я думаю о пенсии, т. е., что мне ее советно получить). Наконец, при выходе моем Ар[акчеев] сказал: «Я рад, что с Вами познакомился», или что-то такое. Я давно уже этого желал и очень рад, что нашел Вас совсем не тем, как о Вас говорили». И хотя далее Тургенев пишет: «Фразы гр[афа] Ар[акчеева] меня прельстить не могут. Я обжегся на фразах Гурьева», но все же добавляет: «Но за ласку его я не могу не быть благодарным. Но тут мне нравится поступок Г[осударя]»¹⁵. Сперанский и Аракчеев действовали согласованно, по заданию Александра I. По-видимому, он пытался вести такие же переговоры и с другими лидерами тайной организации, и так же безуспешно. Но в данном случае важен не результат, а замысел, частично объясняющий причины отказа Александра I от репрессий против тайной организации. Царь выжидал.

С поэтами же, в частности с Пушкиным, было проще. Серьезного противодействия дворянской общественности из-за репрессий против них можно было не опасаться. А формальные основания для высылки Пушкина были: он держался не только неосторожно, а даже вызывающе. Между тем, удаление Пушкина было сильным ударом по тайной организации. Она пока в основном занималась пропагандой, воздействуя на общественное мнение словом — устным и письменным. Вера во всемогущество общественного мнения дополнялась верой во всемогущество дворянства. Казалось, что завоевание общественного мнения, точнее, дворянского общественного мнения, может решить все проблемы без насильственной революции, мирным путем. Так полагало руководство Союза Благоденствия на первом этапе его существования, в 1818—1819 гг. Поэтому Устав тайной организации уделял особо большое внимание завоеванию команд-

---

¹⁵ Тургенев Н. И. Дневники и письма, т. III, Пг. 1921, с. 353.

ных высот в художественной литературе. Пушкин в этом отношении был для Союза Благоденствия чрезвычайно важен. Хотя он и не входил в Союз, его политическая лирика направлялась руководителями тайной организации и воздействовала на читателей в нужном для них направлении.

Николаевские следователи не включили Пушкина в «Алфавит декабристов»¹⁶. «Прикосновенность» к ним определялась формально-юридически—принадлежностью к тайному обществу, степенью «вины» (особенно учитывались планы царубийства), мерой наказания. Вместо живых людей получалась галерея «государственных преступников», охарактеризованных очень схематично. Суть декабристского движения оказалась упрощенной и обедненной, акценты были расставлены явно неправильно. По «Алфавиту» Каховский и Бестужев-Рюмин, приговоренные к смерти через повешение, выглядели более видными декабристами, чем Николай Тургенев или Никита Муравьев; В. Кюхельбекер представлялся значительнее М. Орлова.

Этот формальный подход повлиял в какой-то мере и на историков. Еще более воздействовали в том же направлении следственные дела декабристов. Следственная комиссия задавала весьма схематичные вопросы, на которые поневоле давались такие же схематичные ответы. Разумеется, материалы суда и следствия — первоклассный источник, без которого обойтись нельзя. Но знакомство с ними на какое-то время загнипнотизировало исследователей и привело к повторению николаевской схемы, что сказалось даже в замечательной книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов»¹⁷. До сих пор исследователи не освободились полностью от этой схемы. Получается, что декабристы жили лишь в сфере откровенно политических лозунгов и планов. Вся остальная идейная, культурная жизнь, связанная, конечно, с политикой, но подчас весьма сложно, была чужда лучшим людям эпохи. Разумеется,

---

¹⁶ Полный заголовок: «Алфавит членов бывших злоумышленных тайных обществ, прикосновенных к делу, произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 г. следственною комиссиею». «Алфавит» был составлен в 1827 г. правителем дел следственной комиссии А. В. Боровковым. Опубликовано в 1926 г. «Центрархив. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах, т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса», Л., 1926.

¹⁷ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. М., 1909.

это неверно¹⁸. Г. А. Гуковский в своих книгах о Пушкине показал ложность такого изображения декабризма и декабристской идеологии¹⁹. Он доказал, например, что гнедичевский перевод «Илиады» — декабристское произведение, хотя политических лозунгов и призывов там нет. Думается, что пора отказаться от навязанной николаевскими следователями схемы в характеристике декабристов. Это изменит и характеристику Пушкина. Если составить настоящий, научный «Алфавит» декабристов, то Пушкина придется в него включить как декабристского поэта.

* * *

С 1817 по 1825 гг. поэзия Пушкина эволюционировала вместе с декабристами, их идеологией, программой и тактикой. Как же это произошло с поэтом, не входившим в тайное общество? По-видимому, он догадывался о существовании тайной организации, ее руководителях (Н. И. Тургеневе и П. И. Пестеле) и, в отличие от Грибоедова, стремился в нее вступить²⁰. Его упорно не принимали. С тем большим желанием он готов был выполнить любое поручение предполагаемых руководителей тайной организации. И если Н. Тургенев намекал ему на желательность создания того или другого политического стихотворения, Пушкин немедленно откликался на это.

Политически Пушкин развивался в том же направлении, как и декабристы, — от умеренно-либеральной политической платформы к радикальной, революционной. При этом в рамках декабристского движения он постепенно переходил к более демократическим течениям, от Союза Благоденствия Н. И. Тургенева к Пестелю. В этом смысле рубежом была его высылка из Петербурга. В петербургский период (от окончания Лицея до ссылки) он, в основном, испытывал идейное воздействие Тургенева. На юге же, встретившись с Пестелем и его единомышленниками, перешел на их позиции.

---

¹⁸ См. статью Ю. М. Лотмана о Н. И. Мордовченко, в которой приводятся соображения об этом Н. И. Мордовченко (Межвузовский историко-графический сборник, вып. I, Саратов, 1971).

¹⁹ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965, его же. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957.

²⁰ Сводку данных об этом см. в статье «Пушкин и декабристы» (Межвузовский сборник «Освободительное движение в России», вып. I, Саратов, 1971, с. 70—84).

О «Вольности» и «Деревне» мне уже приходилось писать ²¹. Остановлюсь на послании к «Чаадаеву». Журнальное общество не было образовано, «Россиянин 19 года» не увидел света ²². Легальные и полуполигальные средства борьбы становились все труднее. Это изменило и характер Союза Благоденствия. В конце 1819— начале 1820 гг. сначала М. Ф. Орлов, а потом и все тайное общество от тактики медленного воздействия на общественное мнение, на правящий класс и правительство перешли к тактике «военной революции».

Начавшиеся в 1820 г. испанская, португальская и неаполитанская революции, в которых главной силой была армия, укрепили эту линию. Конечно, восстание войска не было новостью. Весь XVIII век в России происходили военные дворцовые перевороты. Но таких восстаний декабристы не хотели, опасаясь, что захват власти военными кончится бонапартизмом. В Испании, Португалии, Южной Италии в результате «военной революции» утвердились конституции и представительное правление. 24 марта 1820 г. Н. И. Тургенев записывал в дневнике: «Вчера получили здесь известие, что король Испанский объявил конституцию кортесов. Слава тебе, славная армия Испанская! Слава Испанскому народу!.. Нынешние инсургенты, сколько можно судить по газетам, вели себя весьма благородно. Объявили народу, что хотят конституции, без которой Испания не может быть благополучна... Может быть, Испания покажет возможность чего-нибудь такого, что по сию пору мы почитали невозможностью» ²³. Думается, что речь идет о возможности не только конституции в России, но и о возможности завершения «военной революции» конституционным правлением, а не цезаризмом ²⁴. В то же время она, по словам Бестужева-Рюмина, «не будет стоить ни капли крови, ибо произойдет одною армиею, без участия народа».

---

²¹ См.: Пугачев В. В. Пушкинская ода «Вольность» и предыстория Союза Благоденствия (В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. т. IV. М.—Л., 1962, с. 94—134. О «Деревне» — в «Известиях ОЛЯ», 1976, № 6, с. 496—506.

²² А. Н. Шебунин предполагал, что вместо него Ф. Н. Глинка развил деятельность в «Соревнователе просвещения». Вряд ли это так. «Соревнователь» к «Обществу 19 года», не имел никакого отношения. Скорее с этой попыткой связан «Невский зритель». Но и он — не общество.

²³ Тургенев Н. И. Дневники и письма, т. III, с. 226.

²⁴ Об откликах в России на испанскую революцию см. в кн.: Алексеев М. П. Очерки испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Изд. ЛГУ, 1964, с. 119 и сл.

С курсом на восстание менялось отношение к либеральной оппозиции. Она уже не была так нужна как прежде, в пору ориентации на общественное мнение. Поэтому левые радикальные течения заявили о себе более громко. С 1820 г. влияние Н. Тургенева в декабристских организациях довольно быстро уступило место влиянию Пестеля. По существу, наступил новый этап в развитии декабризма, приведший к выступлению на Сенатской площади.

Пестель приехал в Петербург в 1819 г. и пробыл здесь около четырех месяцев. Развив кипучую деятельность, он во многом ускорил превращение Союза Благоденствия в революционную организацию. В начале 1820 г. по его инициативе на квартире Ф. Глинки состоялось заседание Коренной управы Союза Благоденствия. Пестель выступил с докладом о республиканском правлении, в котором рассматривал его как наилучшее. Правда, предложение учредить республику в России не было принято²⁵. Пестель, чтобы не отпугнуть преждевременно более умеренные элементы, даже пошел на некоторые формальные уступки. На деле же он упорно проводит новую линию. В январе-феврале 1820 г. на квартире И. Шипова состоялось заседание, где обсуждалось цареубийство. Пестель, добившись его одобрения, практически достиг огромного успеха в распространении республиканизма. Согласившись на цареубийство, участники совещания поневоле жгли монархические мосты. Пушкин давно тянулся к более радикальным течениям. С Н. Тургеневым все чаще возникали несогласия, споры. Однажды чуть не дошло до дуэли.

А. И. Тургенев, критикуя в 1827 г. вторую оправдательную записку Н. Тургенева (предназначавшуюся для Николая I), между прочим, писал: «Там, где ты говоришь об издании журнала (на примечание рапорта Комиссии о песнях возмутительных, коими хотели воздействовать на общее мнение), я думаю, что истина требовала бы, чтобы не ты, а я привел случай, бывший между тобой и Ал. Пушкиным, которого ты так ругал и увещевал раз в своей комнате за его *тогдашние эпиграммы и пр. против правительства*, что он сначала вздумал вызвать тебя на дуэль, а после письмом просил у тебя прощения, и что ты не раз давал ему чувствовать, что нельзя брать ни за что жалованье и ругать того, кто дает его. Это не повредит ему, а

---

²⁵ См. подробнее: Пугачев В. В. О специфике декабристской революционности (Некоторые спорные вопросы). — «Освободительное движение в России», вып. 2, Саратов, 1971, с. 32—33.

напротив, покажет его чувствительность к справедливым упрекам, а тебя представит в истинном виде. Я бы мог дать почувствовать, сколько редакция этого примечания для тебя губительна, говоря о песнях, тотчас после слов и двух точек, о намерении твоём издавать журнал — упомянуть об анекдоте с Пушкиным»²⁶. Трудно точно определить время этого спора. Можно дать лишь приблизительную хронологию 1819 — начало 1820 г. Подчеркнутые мною слова, вероятно, имеют в виду эпиграммы на Александра I. Но в тексте А. Тургенева речь идет не только о них. Слова «тогдашние эпиграммы и пр.» (курсив мой.— В. П.) говорят и о чем-то другом. Может быть, о демонстративных выходках Пушкина. А может быть и о прославлении им в стихах (да и в тех же демонстративных выходках) революционного террора.

В апреле 1819 г. в эпиграмме на Стурдзу Пушкин солидаризировался с убийством реакционного писателя Коцебу:

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
Иль смерти немца Коцебу²⁷.

Пушкинская оценка существенно отличалась от позиции самых левых либералистов. «Декабрист без декабря» (так называл П. А. Вяземского С. Н. Дурылин) писал из Варшавы А. И. Тургеневу; «Что скажешь ты о трагической кончине Коцебу? Эти головорезы окровавят дело свободы, как французские тигры окровавили дело свободы... Смерть Коцебу — нелепое злодейство... Я на месте Стурдзы не покойно бы спал»²⁸. Пушкин подтверждает прогнозы Вяземского, но слева,

---

²⁶ Памяти декабристов, т. II, изд. АН СССР, М. — Л., 1926, с. 122 (курсив мой.— В. П.). Подлинник в ИРЛИ, рук. отделение, архив братьев Тургеневых (ф. 309, № 13, л. 8—8 об.) С этим перекликается замечание Пушкина в записке «О народном воспитании» об умеренности Н. Тургенева. В «Донесении Следственной Комиссии», в разделе о Союзе Благоденствия, цитировались строки доноса М. К. Грибовского о планах тайного общества «действовать на общее мнение изданием особенного журнала, песен, карикатур». К этому месту было примечание: «Издание журнала предпринимал действительный статский советник Николай Тургенев; есть несколько возмутительных песен, которые тогда были сочинены и может быть распускаемы». По-видимому, А. И. Тургенев опасался, что их могут приписать Пушкину и тургеневскому воздействию на Пушкина.

²⁷ П. А. Вяземский, возражая утверждавшим, что речь идет об Аракчееве, писал: «Вовсе не на Аракчеева, а на Стурдзу, писавшего современно смерти Коцебу политическую записку о немецких университетах».

²⁸ Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, Спб., 1899, с. 205—206.

с сочувствием «трибуналу» революционеров. В этом поэт расходился и с Н. И. Тургеневым, записавшим в дневник 11 апреля 1819 г.: «В Берлинских газетах много пишут о Коцебу... Неприятное происшествие. Но действия фанатизма неисповедимы. Равно глупо, равно ужасно убийство из фанатизма религиозного и политического»²⁹. Отношение к террору — и сверху и снизу — у Тургенева было неизменно отрицательным. Еще в 1817 г. он писал о последствиях ожидавшейся английской революции: «Что будет с Европою, когда падет Англия? Все силы тьмы заревут тогда, что Англия пала от свободы, и свобода, священнейшее благо смертных, станет страшищем»³⁰. Тургенев не изменил своих взглядов и в начале 1820 г. Планы царевубийства он не принял. Более того, полемизировал с ними. Когда в Петербурге было получено известие об убийстве в Париже рабочим Лувелем наследника престола герцога Беррийского, Тургенев написал статью (по-видимому, для «Сына отечества»), осуждающую и совершенный террористический акт и терроризм вообще³¹.

«Новое бедствие постигло семейство Бурбонов, столь уже славное в летописях несчастья! Бешеное мщение или, что еще хуже, рабский энтузиазм к сверженному идолу вооружил руку злодея. Герцог Беррийский убит при выходе из театра. Герцогиня вошла уже в карету; герцог следовал за нею и, упираясь в руку своего адъютанта, шагнул на первую ступень. Вдруг, приблизившийся к карете человек останавливает адъютанта, хватая герцога и наносит ему удар ножом. Герцога вносят обратно в театр. Смертоносное оружие осталось в ране. Никто не осмеливается вынуть из раны ножа, опасаясь через то причинить немедленную смерть герцогу. Наконец, сам герцог вырвал нож из раны. Его отвезли в Тюльери и через 6 часов жизнь его прекратилась. Сказывают, что герцог, умирая, просил короля о прощении убийцы.

Между тем, убийца вскоре после преступления был схва

---

²⁹ Тургенев Н. И. Дневники и письма, т. III, с. 192.

³⁰ Тургенев Н. И. Сопоставление Англии и Франции. — «Освободительное движение в России», вып. 2, Саратов, 1971, с. 125.

³¹ Статья датирована 19 февраля 1820 года. Рукопись Н. И. Тургенева (без заголовка) хранится среди бумаг А. И. Тургенева в Центральном Государственном Архиве Москвы (ф. 1875, А. И. Тургенева, оп. 1, д. 16, л. 97—99). Была найдена Е. Б. Бешенковским и М. Я. Билинкисом в 1970 году. Авторство установлено ими по почерку. Публикуется с разночтениями и комментариями в 7-м выпуске «Освободительного движения в России» (Саратов, 1977).

чен и немедленно объявил, что он убил герцога. О причинах рассказывают различным образом. По словам одних убийца объявил, что давно уже питал ненависть к герцогу за какое-то личное оскорбление. По словам других, и сии слухи подтверждаются, убийца сказал, что он хотел отомстить Бурбонам за Наполеона I. Отомстить за Наполеона! И кому же? Бурбонам! Тень герцога Ангиенского не поразила в ту самую минуту, когда он искал жертвы там же, где и Наполеон находил их!

Сверх сего убийца объявил, что он желал истребить всю королевскую фамилию и несколько раз покушался на жизнь самого короля, но что никогда не мог к королю приблизиться.

Сие ужасное происшествие важно для фамилии Бурбонов и в политическом отношении. Король, брат короля, граф Артуа, сын сего последнего герцог Ангулемский не имеют детей.

Второй сын графа Артуа, уби́тый герцог Беррийский, оставил после себя молодую супругу и малолетнюю дочь. По французским законам женщины не могут царствовать. Таким образом, поколение Бурбонов, столь долго царствовавшее во Франции, пресечется со смертью нынешних Бурбонов и престол французский перейдет к Орлеанам. Нынешний герцог Орлеанский имеет несколько детей мужского пола. Судя по теперешнему положению Франции, нет сомнения, что смерть герцога Беррийского будет истинным несчастьем для каждого француза. Но вероятно, что дух партий, ныне Францию разделяющих, смешает печаль со взаимною ненавистью сих партий, и когда одно черное покрывало должно покрывать всю Францию и всех сынов ее, люди различных мнений будут обвинять друг друга в недостатке приверженности к царствующей династии и в запредельном энтузиазме ко всему тому, чего уже нет и что быть не может, энтузиазм, которого не одобряет и сам король.

Найдутся, может быть, и такие люди, которые будут обвинять министерство в содействии, хотя невольном, преступлению Лувеля (имя убийцы). Желательно, чтобы это предсказание не сбылось, но обыкновенный ход вещей позволяет так мыслить.

Чего желать Франции? Она имеет все, что может сделать государство независимым и сильным, а народ счастливым. Надобно, наконец, решиться признать теперешний порядок вещей законным и постоянным, надобно, наконец, французам решиться быть счастливыми. Пусть все партии соединятся вокруг партии и престола конституционного Бурбонов! Пусть

общая свобода, общее довольствие, мир и тишина разольются по всей Франции! Тогда печальная старость доброго и народолюбивого короля, в благоденствии Отечества найдет, может быть, некоторое утешение собственному горю»³².

Он считает, что убийство герцога Беррийского, как и всякий террористический акт, грозит разгулом реакции. На примере Франции доказывает, что последняя гибла от деспотизма и анархии и нашла свое спасение в конституционной монархии — в идеале для нее и других государств Европы, включая Россию, одну из самых равнодушных «ко всему общественному». Франция должна была, по мысли многих русских либералов, подвигнуть Россию своим примером на введение конституции. Убийство герцога Беррийского нанесло этим иллюзиям сокрушительный удар. «Я Франции вверил было все свои надежды, — писал П. А. Вяземский А. Я. Булгакову 21 февраля 1820 г., — на ней, думал я, устроится здание свободы мудрой, и другим народам придется только учиться у нее и перенимать не слепо, но сходно с местным положением каждого домостроителя. Неужели все это разрушится от шила сумасбродного каретника?» Тот же П. А. Вяземский писал А. С. Пушкину и А. И. Тургеневу 20 февраля 1820 г.: «Я о Франции плачу, как о родной. Ей, все друзья свободы вверили надежды свои в рост: боже сохрани, от второго банкротства. Если и тут опытность не была впрок, то где же искать государственной мудрости на земле? Куда девать упования свои на преобразование России? Теперь у нас ни калачом не выманишь конституции в России: разве придется отыскивать ее собаками»³³.

Пушкин не согласился ни с Вяземским, ни с Тургеневым. Он демонстративно показывал в театре портрет убитого герцога с надписью: «Урок царям». Разногласия с Тургеневым очевидны.

И все же Тургенев продолжал влиять на Пушкина. Может быть, именно потому, что поэт видел в нем руководителя влекущей к себе тайной организации. Весной 1820 г. не без влияния Тургенева Пушкин пишет послание к Чаадаеву.

27 марта 1820 г. Тургенев писал Чаадаеву: «...Вы много можете споспешествовать распространению здравых идей об освобождении крестьян. Сделайте, почтеннейший, из сего свя-

³² ЦГА г. Москвы ф. 1875, А. И. Тургенев, оп. 1, д. 16, л. 97—99.

³³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XIII, Изд. АН СССР, 1937, с. 13

того дела главный предмет ваших занятий, ваших размышлений». Полностью преодолеть скепсис Чаадаева, сомневавшегося в активности русского общества, было нелегко. В борьбу за Чаадаева был вовлечен и Пушкин. По-видимому, не без влияния Тургенева весной 1820 г. Пушкин пишет «Любви, надежды, тихой славы»³⁴.

П. Я. Чаадаев в это время был очень нужен тайному обществу как крупный теоретик, глубокий мыслитель. Его упорно пытались привлечь в Союз Благоденствия. В донесении Грибовского Бенкендорфу (1821 г.) сообщалось, что Чаадаев «воспитывался для общества». Но Чаадаев уклонялся. Будущий автор «Философических писем» (с 1817 по конец 1820 г. состоявший адъютантом командира гвардейского корпуса) был в то время скептиком и признавался, что «сомневался во всем». Скептически относясь к христианской религии³⁵, он не верил и в революцию. 23 марта 1820 г. Чаадаев писал брату: «...теперь толкуют, что я демагог! дураки! Они не знают, что тот, кто презирает мир, не думает о его исправлении»³⁶. В этой позиции много онегинского. Вернее, в Онегине много чаадаевского. Как спор с чаадаевским «презрением» к миру, с его бездействием отчасти и был задуман пушкинский роман³⁷. Но полемика Союза Благоденствия и Пушкина с Чаадаевым началась раньше, в 1820 г. Эволюция взглядов Чаадаева сделала эту дискуссию в 1820 г. отнюдь не бесплодной. Под влиянием южноевропейских революций он был готов отойти от «презрения» мира к изменению его. В упомянутом письме к брату он писал: «Еще большая новость — и эта последняя гремит по всему миру: революция в Испании закончилась, роль принужден был подписать конституционный акт 1812 года. Целый народ восставший, революция, совершенная в 8 месяцев, и при этом ни единой капли крови, никакой резни, никакого разрушения, полное отсутствие насилий, одним словом ничего, что могло бы запятнать столь прекрасное дело, что вы об этом скажете? Происшедшее послужит отмен-

---

³⁴ В академическом собрании сочинений послание печатается под 1818 г. (без специального обоснования). В 1955 году А. А. Осокин на Пушкинской конференции выдвинул другую дату — 1820 год. См. об этом в моей заметке «К датировке послания Пушкина «К Чаадаеву» (Временник Пушкинской Комиссии, Л., 1970, с. 82—88). Ср.: Слонимский А. Мастерство Пушкина. Изд. 2, М., 1963, с. 36.

³⁵ Гершензон М. Чаадаев. М., 1912, с. 749.

³⁶ Чаадаев П. Я. Сочинения и письма, т. I, СПб, 1914, с. 3, т. II, с. 53.

³⁷ Так полагал А. А. Осокин.

ным доводом в пользу революции. Но во всем этом есть нечто, ближе нас касающееся,— сказать ли? Доверить ли сие этому нескромному листку? Нет, я предпочитаю промолчать»³⁸.

Союзу Благоденствия нужно было убедить Чаадаева в необходимости изменить мир. В этом убеждал Чаадаева и Пушкин. Однако политический радикализм Пушкина вышел за рамки тургеневских идей. Поэт замышлял в это время убийство Александра I. В черновике письма Александру I он писал: «Необдуманнные речи, сатирические стихи [обратили на меня внимание в обществе,] распространились сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен. До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 <году>. Я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить — В. В первом случае я только подтвердил бы сплетни, меня бесчестившие, во втором — я не отомстил бы за себя, потому что оскорбления не было, я совершил бы преступление, я принес бы в жертву мнение света, которое я презираю, человека, от которого зависело все и дарования которого невольно внушали мне почтение.

Таковы были мои размышления. Я поделился ими с одним другом, и он вполне согласился со мной:— Он посоветовал мне предпринять шаги перед властями в целях реабилитации — я чувствовал бесполезность этого. Я решил тогда вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы наконец отнестись ко мне, как к преступнику; я надеялся на Сибирь или на крепость, как на средство к восстановлению чести»³⁹.

«В» (во французском оригинале «V») — конечно «Ваше Величество». Пушкин на этот раз писал настолько отчаянно откровенно, что готов был признаться даже в замыслах царевубийства.

---

³⁸ Трудно сказать, что значит «ближе нас касающиеся». Не исключено, что слова эти перекликаются с тургеневским «Гиспания покажет возможность чего-нибудь такого, что по сию пору мы почитали невозможным» (Тургенев, Дневники, т. III, с. 26). Тургенев писал 24 марта, Чаадаев — 25. Может быть, речь идет о возможности конституционного правления после «военной революции». Но не исключен намек и на возможность давления на правительство.

³⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 13, 1937, с. 548—549.

«Друг» — П. Я. Чаадаев⁴⁰. Разговоры с ним, споры на политические темы, вероятно, и послужили поводом к написанию знаменитого послания. Споры с Чаадаевым подняты здесь на принципиальную высоту о роли революционного насилия вообще, а не только убийства Александра I. Пушкин явно убеждает Чаадаева:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

По-видимому, Чаадаев не верил в пробуждение России и считал поэтому революционное выступление бесполезным. Скептическое отношение к насильственной революции разделяло Чаадаева и декабристов. Пушкин, не без совета со стороны руководителей тайного общества, прежде всего Н. И. Тургенева, пытался переубедить Чаадаева. Борьбу за него Пушкин повел настолько удачно, что послание к Чаадаеву далеко переросло первоначальную цель и стало одним из важнейших пропагандистских произведений декабристской поэзии.

Л. А. Дядькин

СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ДЕКАБРИСТА Н. И. ТУРГЕНЕВА

Политические, философские, исторические произведения декабристов — яркие свидетельства формирования дворянской революционности в России в первой четверти XIX века. Эти произведения привлекали и привлекают внимание ученых, в том числе и историков-юристов. Так, государственно-правовым проектам декабристов посвящены работы Р. Х. Яхина, Н. С. Прозоровой, С. А. Покровского, Н. Ф. Закревского,

---

⁴⁰ Об этом эпизоде см.: Анненков П. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. — «Вестник Европы», 1873, № 12, с. 486—488; Осокин А. Пушкин в ссылке. II Из дневника прапорщика Ф. Н. Лугинина — «Л. Н.», т. 16—18, 1934, с. 674; Глинка Ф. Н. Удаление А. С. Пушкина из Петербурга в 1820 г. — «Русский архив», 1880, № 6, с. 918.

Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР
Саратовский юридический институт имени Д. И. Курского

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Межвузовский научный сборник

ВЫПУСК I

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1977